

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

АХЕМЕНИДСКАЯ ПЕРСИЯ В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБРАЗ «ИНОГО» И СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

© 2012 г.

А.В. Махлаюк

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

makhl@pochta.ru

Поступила в редакцию 04.04.2012

Рассматриваются упоминания о Персидском царстве времен Ахеменидов в римской литературе. Ответ на вопросы о том, что знали римляне об Ахеменидской Персии и как они представляли себе персов от Кира до Дария III, в каких контекстах и для каких целей упоминались соответствующие персонажи и примеры, обнаруживает характерные стереотипы восприятия одного народа другим и помогает выявить специфику римской культурно-исторической памяти, которая в значительной степени формировалась информацией, топосами и образами, заимствованными у греков. По большей части эти топосы и анекдоты (о персидской роскоши и богатстве, о надменности персидских царей, их грандиозных сооружениях и т.д.) присутствуют в морализаторском или риторическом контекстах, служат дидактическими примерами и зачастую далеки от исторической достоверности. Все эти представления и стереотипы, благодаря риторическому образованию и популярной моральной философии, стали общими символами и наследием греческой и римской культурной и исторической памяти, но в некоторых отношениях они воспринимались по-разному. Образы Ахеменидской Персии как образы «Иного» приобрели в римской исторической памяти вневременной характер, легко переносились на современных врагов Рима в лице Парфии и Сасанидской Персии и использовались римлянами как средство конструирования их собственной идентичности через оппозицию «Запад – Восток» и для идеологического оправдания их противостояния с могущественными иранскими державами.

Ключевые слова: римская литература, Ахемениды, Древняя Персия, Древний Рим, образы «Иного», историческая память.

Восприятие греками и римлянами тех народов и культур, с которыми они так или иначе сталкивались и взаимодействовали в разные периоды своей истории, привлекает в последнее время большое внимание исследователей². Образы «Иного» в греческой и римской культуре, конструирувавшиеся в процессе такого взаимодействия, изучаются как на основе литературных источников, отражавших те или иные характерные стереотипы и распространенные представления, так и на материале изобразительных репрезентаций. Но если говорить о римском видении «Иного», то посвященные этой теме работы почти исключительно относятся к тем народам и этносам, с которыми римляне непосредственно сталкивались в своей истории, — это пунийцы, галлы, македоняне, египтяне, евреи и сами эллины, а также парфяне и, в меньшей степени, персы Сасанидского времени³. Древние персы времен Ахеменидов к ним, разумеется, не относятся, и их упоминания в латинской литературной традиции посвя-

щены лишь единичные специальные работы [19–22], которые формулируют и решают важные проблемы, отмечая, в частности, что римляне заимствовали многие антиперсидские предубеждения и стереотипы у греков⁴ и перенесли их на другие восточные народы, более близкие к Средиземноморью, которые играли значительную роль в истории самого Рима, в частности на парфян [21, р. 237 f.; 7, р. 380, 496; 12, р. 360 f.; 24]. Однако имеющиеся исследования далеко не исчерпывают всех аспектов данной темы. Одним из таких аспектов является, на наш взгляд, вопрос о роли этих заимствований в формировании собственной исторической памяти и культурной идентичности римлян⁵. Что конкретно представители римской интеллектуальной и политической элиты знали и как представляли себе персов и их историю от Кира Старшего до Дария III, в каких контекстах и с какой целью обращались они к персонажам, событиям и примерам из прошлого Персидской державы? Как соответствующие топосы и зна-

ния, почерпнутые из греческой литературы, «перекодировались», трансформировались и использовались в римском контексте — идеологическом, политическом, литературно-художественном? Ответы на эти вопросы, как представляется, позволяют не только выявить характерные стереотипы восприятия одного народа другим, но также пролить свет на специфику римской культурно-исторической памяти, которая в немалой степени формировалась и питалась знаниями, топосами и образами, полученными «из вторых рук».

Разумеется, очень многое в тех суждениях о других народах, что присутствуют на страницах римской литературы, зависело от жанра тех или иных произведений, их предполагаемой целевой аудитории и авторских намерений, общего контекста (см. [28]). По мере возможности мы будем учитывать эти аспекты в нашем анализе. Но не менее важно выяснить общие тенденции и модальность «римских» упоминаний о персах ахеменидского времени. Эти упоминания, взятые в своей совокупности, дают возможность увидеть, как образы далекого — в общем-то чужого прошлого и совершенно другой культуры, можно сказать, «иноного мира» — адаптировались, актуализировались и использовались римлянами для своих собственных целей. Стоит отметить, что для римских авторов I в. н.э. и Парфия, с которой к этому времени римляне неоднократно сталкивались на военном поприще, представлялась, по словам Манилия, «почти другим миром» (Manil. Astron. IV. 674–675: *Parthique vel orbis alter*; ср. Tac. Ann. II. 2. 2: *petitum alio ex orbe regem*). Понятно, что Ахеменидская Персия, отделенная от Рима не только пространственно и культурно, но и огромной хронологической дистанцией, тем более была большой *terra incognita*.

Надо сказать, что римляне, создавшие к середине II в. до н.э. обширную средиземноморскую державу, по всей видимости, уже начиная с этого времени включили историю своего государства в историю всемирную, о чем может свидетельствовать получившая в римской литературе примерно в этот период распространение концепция пяти мировых держав, первое прямое упоминание которой дается в «Римской истории» Веллея Патеркула с ссылкой на некоего Эмилия Суру, возможно, современника Полибия⁶ (Vell. Pat. I. 6. 6; ср. Polyb. I. 2. 2–6). В данном пассаже сообщается, что в сочинении «О возрастах римского народа» Сура предложил список народов, последовательно властвовавших над всем миром, включив в него ассирийцев, мидян, персов, македонян и римлян⁷. Идея о сменявших друг друга четырех держа-

вах, вслед за которыми к власти над миром приходят римляне, стала широко распространенным топосом в период Римской империи и бытовала вплоть до позднеантичного периода; в переработанном виде она вошла в исторические построения христианских идеологов, опиравшихся также на «Книгу пророка Даниила»⁸.

Очевидно, что для того чтобы само такое сравнение стало возможным, требовались определенные знания о великих империях Востока, включая Ахеменидскую Персию. Почерпнуть эти знания римляне могли только из сочинений своих наставников, эллинов, в историческом опыте, культурной памяти и литературе которых персы, по вполне очевидным причинам, занимали особое место. Римская литература, как и существовавшая в Риме система образования, в большинстве своих главных элементов основывалась на греческих традициях. Вместе с греческой образованностью — и благодаря ей — римляне приобретали знания о народах, с которыми в своей истории непосредственно не соприкасались, в том числе и о персах времен Ахеменидов. И тот факт, что персы играли значительную роль в греческой истории, безусловно, является одной из причин, почему ряд сюжетов и образов, с ней связанных, отразился также и в римской литературе [7, p. 371].

Упоминания о Персидской державе и ее правителях в латинской литературной традиции от ее начальных этапов до позднеантичного времени (от «Анналов» Энния до Латинских панегириков и «Начал» Исидора Севильского) довольно многочисленны. Судя по литературным текстам разнообразных поэтических, риторических, философских и историографических жанров, образованная часть римского общества, как минимум с I в. до н.э., хорошо усвоила характерные для греческой (прежде всего эллинистической) традиции представления о некоторых знаковых событиях и фигурах персидской истории, таких как, например, построенный Ксерксом мост через Геллеспонт, гнев персидского царя на море, битва при Фермопилах, персидские маги и т.д. В римской литературе нередко в разных контекстах упоминаются имена таких царей, как Кир, Камбиз, Артаксеркс, Дарий Гидасп, Ксеркс и Дарий III, и связанные с ними исторические факты, анекдоты и апофтегмы.

«Царская» тема была, пожалуй, наиболее востребованной в морально-политическом контексте. Как свидетельствует замечание Аммиана Марцеллина в его «персидском экскурсе»⁹ (XXIII. 6. 7), римляне разделяли убеждение греков в том, что именно высокомерие персидских царей (*alte spirantium ducum superbia*, по выражению Аммиана) стало глав-

ной причиной тяжких бедствий для их царства¹⁰. Так же как и греки, римляне, очевидно, рассматривали Персидское царство Ахеменидов как образец восточного деспотизма (ср., например, Lucan. Phars. VII. 442–443: Arabes Medique Eoaque tellus, / quam sub perpetuis tenuerunt fata tyrannis). Характерно, что уже самое первое в латинской литературе упоминание об одном из Ахеменидских правителей, Ксерксе, в «Анналах» Квинта Энния (378 V² = Varro. L. L. VII. 21), относится к строительству моста через Геллеспонт. Эта история, известная прежде всего из Геродота (VII. 33–37) и ставшая топомосом в риторических школах начиная по меньшей мере с Исократ (Isocr. Pan. 89), пользовалась особенной популярностью у латинских авторов¹¹. Она служила преимущественно как *exemplum* «безумной заносчивости и безбожного тщеславия» — *stulta ille iactantia et sacrilege vanitate* (Pan. Lat. V. 7 Vaerens). Для Трога/Юстина грандиозные строительные предприятия Ксеркса — пример самонадеянности и хвастовства (Iust. II. 10. 23–24). Лукреций, не называя по имени персидского царя, приводит этот пример для подтверждения тезиса о том, что никакое прижизненное могущество не может обеспечить бессмертия¹². Аналогичный мотив звучит в 10-й сатире Ювенала (X. 173–187), где упоминается и о позорном бегстве Ксеркса после поражения при Саламине, и о его отданном во гневе приказе бичевать море — еще один популярный мотив.

Лукан ссылается на пример Ксеркса, когда рассказывает о попытке Цезаря заблокировать гавань Брундизия, перегородив ее огромными плотами, чтобы не позволить Помпею бежать морем¹³. Сам выбор данного примера и упоминание в его контексте о гордыне персидского царя, несомненно, призваны подчеркнуть деспотические устремления Цезаря, главного антигероя поэмы [22, p. 134].

В то же время на это деяние Ксеркса, как и на аналогичное свершение Дария, ссылались как на пример грандиозной мощи, покоряющей природные стихии¹⁴. Примечательна в этом плане ссылка Флора на слухи, ходившие в Риме накануне Сирийской войны против Антиоха III: в связи с военными приготовлениями последнего «начинали думать о персах и Востоке, Ксерксе и Дарии» (Flor. II. 8. 2). Характерно, что в римских текстах перекрытие моря мостом часто контаминируется и упоминается в одном ряду со знаменитым каналом, для сооружения которого пришлось срыть гору Афон (ср.: Sall. Cat. 13. 1; Cic. De fin. II. 112; Vell. Pat. II. 33. 4; Culex. 31–34). Римские авторы нередко подчеркивают контраст между сушей, превращенной в

море, и морем, превращенным в сушу. Такое объединение в одном топосе двух деяний, надо сказать, отсутствует у Геродота [20, p. 4–5]. У римлян же, по всей видимости, имя Ксеркса столь прочно ассоциировалось с этими грандиозными предприятиями, что Помпей вполне мог рассчитывать на успех своей остроуты, когда за возведенные в море насыпи и за скалы, срытые, чтобы дать морю проникнуть в сушу, называл Лукулла¹⁵ *Xerxes togatus* — «Ксерксом в тоге» (Vell. Pat. II. 33. 4; Plut. Lucul. 39. 3 [Плутарх приписывает эту остроуту Туберону]; Plin. NH. IX. 170). Особую колкость этой остроуте, возможно, придавало то обстоятельство, что ее адресатом был римский полководец, собиравшийся продолжить войну с восточным противником [22, p. 133]. Любопытно, что сам Помпей своими деяниями на Востоке заслужил у друзей прозвище «царя царей и Агамемнона» (App. BC. II. 67), первая часть которого явно ассоциировалась с царями Персии и Парфии, носившими этот титул.

Таким образом, и мост Дария через Боспор, и мост Ксеркса через Геллеспонт ассоциировались у римлян с тиранической заносчивостью и тщеславием. Не удивительно поэтому, что постройку императором Калигулой наплавного моста в Неаполитанском заливе между Путеолами и Байями античные авторы связывают со стремлением юного принцепса превзойти Ксеркса и Дария, продемонстрировав, с одной стороны, римское превосходство над великими достижениями прошлого, а с другой — «Запада» над «Востоком»¹⁶ [41, S. 122, 124; 21, p. 241; 22, p. 132]. С этой целью Калигула особо подчеркивает бóльшую протяженность своего моста через залив и включает в число людей, изображавших во время шествия по мосту пленников, некоего Дария из семейства Аршакидов, находившегося тогда в Риме в числе парфянских заложников, которые были выданы парфянским царем Артабаном II (это обстоятельство, безусловно, превращало данное мероприятие в антипарфянскую демонстрацию [42, p. 50–54]. В то же время, как и другие римские полководцы и императоры, Калигула, облачившийся во время этого мероприятия в панцирь Александра Великого, якобы взятый из его гробницы, в данном случае выступал в роли подражателя македонского завоевателя¹⁷. Вместе с тем в свидетельствах об акции Калигулы главный акцент сделан скорее на его уподоблении восточным владыкам (ср. в особенности слова Сенеки о *superbi regis imitatio*, «подражании надменному царю» — Sen. De brev. vit. 18. 5).

Следует обратить внимание на отмеченный современными исследователями факт актуализации темы Греко-персидских войн в римской политике и идеологии начиная с последних лет Республики и правления Октавиана Августа [9, S. 111 ff.; 21, p. 237–243; 48]. По справедливому замечанию Ф. Харди [22, p. 136], «несмотря на долгую — возможно, универсальную — историю определения Себя через контраст с Другим и несмотря на насыщенную прежнюю историю использования модели афино-персидских войн V в. до н.э., первоначальная модель привлекла особое внимание римлян в 30-е и 20-е гг. I в. до н.э., предложив, по сути дела, миф о новом начале и обновлении власти после конфликта, ставшего почти фатальным для сохранения самого государства, миф тем более привлекательный, что вражда между римлянами могла быть спроецирована на миф о враждебности между римлянами и восточными чужеземцами».

Одним из наглядных проявлений такого целенаправленного, можно сказать, идеологически обусловленного интереса стало использование сюжетов из истории Греко-персидских войн в тех зрелищах, что устраивались римскими императорами в связи с теми или иными политически значимыми событиями. Эти примеры хорошо известны и неоднократно рассматривались в данном контексте [9, S. 112–113; 21, p. 237–238; 22, p. 129–130]. К ним, в частности, относится та навахия, которая была, в числе других зрелищ, устроена Августом во 2 г. до н.э. по случаю освящения храма Марса Мстителя на Форуме: участвовавшие в этом сражении гладиаторы представляли «персов» и «афинян» при Саламине, и победа осталась за последними¹⁸. По словам Р. Сайма, это роскошное зрелище представляло Рим как защитника Эллады против Востока [49]. Аналогичное морское сражение между «персами» и «афинянами» в 57 или 58 г. н.э. устроил также Нерон (Suet. Nero. 12. 1; Dio Cass. LXI. 9. 5). Логично предположить, что, выбирая для представления перед широкой публикой именно этот сюжет, служивший символом превосходства «Запада» над «Востоком», императоры, очевидно, рассчитывали на определенное знакомство римлян с этим знаковым событием из истории Греко-персидских войн. Устроители игр, кроме того, могли рассчитывать на те ассоциации, которые возникали в контексте римско-парфянского противостояния. К мероприятиям, связанным с коммеморацией Греко-персидских войн в Риме, относят также учреждение Гордианом III в 235 г. н.э. (перед его отбытием в поход против Парфии) агона в честь Афины Промехос, покровительницы афинян в битве при Марафоне (см. [50], с анализом эпиграфических источников).

Широкое распространение в римской литературе получил тоpos персидской роскоши и изнеженности, которые, по сути дела, в глазах римлян, так же как и греков¹⁹, были едва ли не главным отличительным этническим признаком персов [20, p. 3]. Достаточно вспомнить хрестоматийные строки Горация: *Persicos odi, puer, adparratus* (Carm. I. 38. 1); *Persarum vigui rege beator* (Carm. III. 9. 4). Для поэта *Achaemeniumque costum* — синоним восточной роскоши, а сами Ахемениды — *dives*, «богачи» (Carm. II. 12. 21). В данных пассажах Гораций, возможно, следует Каллимаху, который для своих целей использовал классическое противопоставление «восточного» и «греческого», однако римский поэт сохраняет собственную идеологическую и поэтическую позицию [22, p. 141], маркируя отсылкой к данному тоposу личные эпикурейские пристрастия.

Мотив персидской роскоши звучит уже в комедиях Плавта [19, p. 509–510], у которого персидские горы изобилуют золотом (ср. *Varro. Sat. Frg. 36*), а царь Дарий — почти нарицательное имя для обозначения баснословного богача (*Stich. 24–25*; *Aul. 86*). Персидское богатство у Ювенала (XIV. 328–329) и Стация (*Silv. I. 3. 105*) синонимично знаменитому богатству Крёза. Кстати сказать, с победой персов над этим лидийским царем Аммиан Марцеллин связывает их привычку носить золотые украшения и драгоценные камни, особенно жемчуг (*Amm. XXIII. 6. 84*). Примечательно, что Плиний Старший именно с персами связывал происхождение и распространение благовоний (*unguenta*)²⁰, употребление которых, с точки зрения римлян, ассоциировалось с восточной роскошью, порочностью и изнеженностью (*luxuria* и *mollitia*) и было противоположно традиционным римским нравам и ценным в Риме качествам²¹ (подробнее см. [52]; ср. [53; 54]).

Подобно тому как роскошь, проникавшая в Рим от других народов, включая эллинистических греков или, скажем, жителей Капуи, оценивалась римскими историками и моралистами как один из факторов морального упадка и противопоставлялась исконным римским нравам [55], персидская роскошь выступала не просто как воплощение восточных пороков, экзотики и богатства, но и служила назидательным примером их пагубного влияния на моральное состояние государства и его правителей. Показательно в этом плане, что роскошь и чрезмерное богатство персов часто фигурируют в сообщениях о персидских царях. Например, Цицерон в «Верринах» (III. 33) упоминает об обычае персидских (и сирийских) царей иметь много жен, которым они предоставляют города «на ленты,

на ожерелья, на прическу»²². Исидор Севильский, явно опирающийся на древнюю традицию, подробно описывает роскошь царского дворца, построенного Киром в Сузах (Etym. XV. 1. 10).

Почему для морализаторских целей римлянами предпочиталась именно персидская роскошь? Думается, что дело не только в заимствовании этого топоса в греческих источниках, но и в том, что пагубность чрезмерного, кичливого богатства наглядно иллюстрировалась исторической судьбой персов и их царства, которая выступала предупреждением римским правителям. Эту мысль прямо высказывает Валерий Максим, который, сообщая, что Ксеркс до такой степени кичился царскими богатствами и роскошью, что даже посулил награду тому, кто придумает новый вид наслаждения, констатирует, что царь, наслаждаясь безмерными удовольствиями, привел к гибели обширнейшую державу²³. Сенека в трактате «О гневе» (III. 20. 4), следуя Геродоту (III. 25), приводит эпизод отступления Камбиса после неудачного похода против эфиопов, когда воинам пришлось съесть по жребию каждого десятого, в то время как в царском обозе везли на верблюдах редких птиц и прочую снедь для роскошных пиров.

Негативно оценивается и персидская религия магов. Катулл (Carm. 90. 4) называет ее «нечестивой»: *Persarum impia religio*. Плиний Старший, говоря о распространении искусства магов, связывает его с именем некоего Останеса, сопровождавшего Ксеркса в походе на Грецию, и называет это искусство «чудовщным» — *ars portentosa* (NH. XXX. 2).

Гораздо реже упоминается об исконной храбрости древних персов, которая иногда переносится на парфян²⁴, как, например, у Силия Италика в *Pun.* VII. 646–647, где говорится о Клеаде из Сидона, который сражается *Achaemenio ritu* («по-ахеменидски»), стреляя из лука во время отступления. Чаше в качестве отличительной особенности персидского военного дела упоминаются отравленные стрелы — парфянские, мидийские и арабские (например, *Sen. Med.* 710; ср. *Achaemeniis sagittis* у Проперция в II. 13. 1–2). Пожалуй, единственное место, где прямо отдается должное мужеству персов, — это пассаж из 33-го письма Сенеки (Ep. 33. 2): «Ведь мужество и усердие, и готовность к бою есть и у персов, а не только у высоко подпоясанных». У Фронтона в одном плохе сохранившемся месте [56] упоминается о *Persarum disciplina* в связи со значением глагола *battunt* («бить, избивать»), возможно, в связи с тем, как персы учили юношей говорить правду.

Обращение к примерам и образам из персидской истории, несомненно, обуславливалось тем обстоятельством, что с начала I в. до н.э. римлянам пришлось вступить в конфронтацию с Парфянским царством, которое рассматривалось как некое продолжение, «реинкарнация» Ахеменидской державы²⁵. Не удивительно поэтому, что как в силу данного обстоятельства, так и собственно литературно-риторических и образовательных традиций, опиравшихся главным образом на эллинские образцы и словоупотребительную практику, в римских источниках персидские и парфянские реалии очень часто смешиваются; современные авторам парфяне не только именуется персами (мидянами), а Парфия — Персией из каких-то литературно-стилистических соображений, но и фактически отождествляются. Причем это отождествление присутствует уже у Цицерона (*De domo sua.* 60; 57 г. до н.э.) и становится общим местом у поэтов времен Августа и других писателей I в. н.э. (указания на источники см.: [2, S. 198–199; 19; 20; 22, p. 128 ff.; 58, S. 24–26]). Более того, оно распространено и в сочинениях поздних историков, например у Евтропия (VII. 5; 6; 9; 14; VIII. 20), «Писателей истории Августов» и других авторов (подробнее с ссылками на источники см. [59, особенно p. 117 *suiv.*]). И это отождествление не просто историческая aberrация, дань литературной традиции или следствие недостаточной осведомленности, но скорее то, что можно назвать «почти что культурным рефлексом» [21, p. 240]. Смешивая персов и парфян, Аршакидов, Ахеменидов и Сасанидов, римские авторы сознательно или бессознательно отсылали своих читателей к той всемирно-исторической перспективе, в которой память о былых победах одних (эллинов) и поражениях других (персов) выступала как одна из основ единой греко-римской идентичности.

В большинстве случаев все эти топосы, анекдоты и контаминации используются в морализаторском или риторическом контексте, вполне тенденциозно, как назидательные *exempla*, часто с существенным искажением исторической достоверности различных событий и реалий. Вместе с тем анализ римской литературной традиции и других форм исторической памяти (исторической политики римских властей в том числе), относящихся к восприятию истории Ахеменидской Персии, показывает, что в данном случае, как и во многих других сферах, «греческое прошлое функционировало как общая основа коммуникации между греками и их правителями» [60], т. е. римлянами. Благодаря в первую очередь риторическому образованию и популярной моральной философии все эти представле-

ния стали общим достоянием культурно-исторической памяти римлян и греков, хотя в некоторых отношениях обнаруживаются различия в их восприятии [20, р. 8].

Это верно прежде всего в отношении Греко-персидских войн, которые для эллинов всегда оставались предметом исторической «национальной» гордости и одной из основ культурной идентичности. Римляне же, обращаясь к персонажам и стереотипам, связанным с Ахеменидской Персией, конструировали образ «Иного» и в качестве «зеркала» римских нравов, и для оправдания собственного доминирования. Традиционные «ориенталистские» черты в образе персов были «открыты» в истории, рассказанной греками, и перенесены на парфян, чтобы легитимизировать антипарфянские чувства. Сознательно или спонтанно римляне представляли себя как новых греков образца 480–479 гг. до н.э., выступающих в защиту западных ценностей против восточного деспотизма, Европы против Азии (ср. [9; 24, р. 138]), и тем самым включали свое противостояние с Парфией в общую мифоисторическую традицию, в рамках которой борьба между цивилизацией и варварством восходила к противоборству богов и гигантов [21, р. 240]. Представление о Персии времен Ахеменидов как о варварском обществе способствовало формированию идеи о греко-римском мире как господствующей силе, ибо Восток был миром, который можно было победить и завоевать, как показали победы афинян, спартанцев и македонян, а впоследствии и самих римлян [14, р. 66].

Образы Ахеменидской Персии как образы «Иного» приобретали в исторической памяти римлян вневременной характер, сравнительно легко переносились на современных римских противников в лице Аршакидов и Сасанидов, являясь одним из средств и конструирования собственной культурно-исторической идентичности через оппозицию «Запад – Восток», и для идеологического оправдания политических акций в противостоянии с реальным противником в лице могущественных иранских держав, преемниц древнеперсидского царства.

Примечания

1. В основу данной статьи положен доклад, представленный на Международной научной конференции «Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций» в Приволжском (Казанском) федеральном университете (Казань, 14–16 сентября 2011 г.).

2. См., например: [1–2].

3. Из обширной литературы, посвященной различным аспектам этой темы, см. [3–16]. Об образах

галлов, германцев и других варваров в римском изобразительном искусстве см., например: [17; 18].

4. Специально о стереотипах восприятия персов греками и специфике греческих источников об Ахеменидской Персии см., например: [23; 24; 1, р. 9–75; 25, р. 3–37]. Полезный обзор греческих и отчасти римских источников о персах см. [26].

5. О некоторых общих методологических аспектах изучения образа Другого как образа памяти см. интересные суждения А.И. Макарова [27].

6. Эту ссылку принято считать позднейшей глоссой, появившейся в издании 1591 г. Delbenius'a. Сам Эмилий Сура иначе не известен. Т. Моммзен [29] в свое время высказывал предположение, что этот Сура мог быть автором труда по всеобщей истории, жившим во времена Суллы. Но Г. Петер в своем комментарии к изданию фрагментов римских историков воздержался от какой бы то ни было датировки и идентификации [30]. Дж. Свейн [31] датировал появление труда Суры периодом между 189–171 гг. до н.э., после Сирийской войны, в ходе которой римляне могли познакомиться с идеями греков, настроенных оппозиционно по отношению к Селевкидам. Это мнение в настоящее время является преобладающим в научной литературе. Однако Д. Менделс [32] предложил ряд аргументов в пользу второй половины – конца I в. до н.э., когда концепция пяти мировых держав получает распространение в связи с началом интенсивных отношений Рима с регионами бывших великих монархий Востока. Таким образом, данный вопрос так и не нашел однозначного решения в научной литературе (см. [33]).

7. Aemilius Sura de annis populi Romani: Assyrii principes omnium gentium rerum potiti sunt, deinde Medi, postea Persae, deinde Macedones; exinde duobus regibus Philippo et Antiocho, qui a Macedonibus oriundi erant, haud multo post Carthaginem subactam devictis summa imperii ad populum Romanum pervenit («Эмилий Сура [в сочинении] “О возрастах римского народа” [пишет:] “Ассирийцы первыми из всех народов обладали властью над миром, затем — мидийцы, после них — персы, позднее — македоняне. Потом, после победы над двумя царями македонского происхождения, Филиппом и Антиохом, вскоре после подчинения Карфагена, верховная власть перешла к римскому народу”» (пер. А.И. Немировского с некоторыми изменениями).

8. Из латинских и греческих текстов поздне-республиканского и императорского времени, обнаруживающих знакомство или излагающих варианты этой концепции, см., в частности: Diod. II. 1–34 (на основе труда Ктесия об истории Персии); Dion. Hal. Ant. Rom. I. 2–3; Iust. I. 3. 6; XXXIII. 2. 6; XLI. 1. 4; Tac. Hist. V. 8–9; App. Praef. 6–11; Pun. 132; Ael. Arist. Panath. 234. Or. 13 Dindorf.; ΕΙΦΥ ΘΡΩΠΟΥΝ. 91. Or. 26 Keil; Rutil. Num. I. 81–92; Aug. De civ. Dei. XVIII. 2. 21; 26 (возможно, источником для Августина было сочинение «De gente populi Romani» Варрона [32, р. 334, not. 16]). Эта концепция присутствует также в 4-м оракуле Сивиллы (Orac. Sib. IV. 49–104), датированном временем ок. 80 г. н.э. и также упоминающем пять сменявших друг друга мировых держав — от Ассирийской до Римской. О содержании и про-

исхождении этого текста, восходящего к греческим и иудейским источникам (ср., в частности, 2-ю главу «Книги пророка Даниила», где говорится о четырех царствах), см. [34–36]. Из обширной литературы, посвященной анализу концепции пяти монархий, см., например: [31; 32; 34; 37; 38].

Из позднеримских авторов, пожалуй, наиболее близко к пассажи Эмилия Суры (с добавлением Спарты, Афин и Фив) высказывался Клавдий Клавдиан, в строках которого обращает на себя внимание акцентирование моральной порчи как фактора гибели великих государств:

...nec terminus umquam
Romanae ditionis erit, nam cetera regna
luxuriis vitiiis odiisque superbia vertit:
sic male sublimes fregit Spartanus Athenas
atque idem Thebis cecidit; sic Medus ademit
Assyrio Medoque tulit moderamina Perses;
subiecit Persen Macedo, cessurus et ipse
Romanis (De Consulatu Stilichonis. III. 159–166).

(«...и грани не будет
Остановить римское державство. Ведь царства
другие
Роскошь пороками в прах испровергла
и спесь — неприязню.
Так безрассудно-надменны сломил спартанец
Афины
И восприял погибель от Фив; так мидянин
восхитил
У ассирийца и перс у мидянина отнял кормило;
Перса сверг македонянин, сам уступить
обреченный
Римлянам». Пер. Р.Л. Шмаракова).

9. Об этом экскурсе, в котором, помимо географического и этнографического очерка, особо подчеркивается основанная на укорененных стереотипах, восходящих чуть ли не к Геродоту, «инаковость» персов, чуждость их нравов и обычаев греко-римскому миру, см.: [10; 13; 14, p. 68 ff.].

10. Ср. также рассказ Сенеки, опирающийся на Геродота, о походе Камбиса против эфиопов (Sen. De ira. III. 20). Об этом походе упоминает также Лукан (Phars. X. 279–282). Сенека видит причину этого похода в гневе царя на эфиопов, не пожелавших ему подчиниться; Лукан же называет его «безумным» (vaesanus).

11. См. указания на источники: [20], к которым можно добавить Pan. Lat. V. 7 Vaerens. Следует согласиться с мнением Розивача [20, p. 6], что именно риторские школы были одним из основных «каналов» распространения исторической информации об Ахеменидской Персии среди римской эллинизированной элиты. Уже во времена Цицерона темы и примеры, связанные с Греко-персидскими войнами, были широко распространены в римской практике преподавания риторики: «вот поприще для раторов — о Марafone, о Саламине, о Платеях, о Фермопилах...» (Cic. De off. I. 18. 61). Аналогичные темы присутствуют и среди тем для декламаций, упоминаемых Сенекой Старшим (Suasoria. 2. 5), в которых для рассуждения предлагаются такие вопросы: следует ли тремстам спартамцам, посланным для защиты Фермопил, бежать, последовав примеру других

греческих отрядов; следует ли афинянам удалить трофеи своих побед над персами, так как Ксеркс угрожает вернуться, если они не будут убраны. Сенека отмечает, что первому сюжету было посвящено 12 трактовок, а второй получил разработку в трех. Разумеется, в греческой риторике соответствующие темы пользовались еще большей популярностью. По оценке Д. Расселла [39], около 12 % тем, предлагаемых для декламаций, были так или иначе связаны с Греко-персидскими войнами.

12. Lucr. III. 1029–1034:

Даже и тот, кто когда-то по волнам великого моря
Путь проложил и открыл легионам дорогу
по глубин,
Кто научил их пешком проходить по соленым
пространствам,
Дерзко скакал на конях по пучинам
рокошущим понта,
Света лишился и дух из смертного выпустил
тела.
(Пер. Ф.А. Петровского)

13. Lucan. Phars. II. 670–677:

Встарь, как молва говорит, такие же сделал
дороги
Ксеркс в гордыне своей, дерзновенно сблизив
мостами
Азии дальней берега с Европой и Сест
с Абидосом,
И перешел Геллеспонт, не страшась
ни Зефира, ни Эвра,
Прямо по бурным волнам; корабли же
и барки на веслах
Через Афон перевел.

(Пер. Л.Е. Остроумова)

14. Ср. Sen. Suas. 2. 3: Maria terrasque, gerum naturam statione mutavit sua... («моря и сушу, природу вещей изменил он своим сооружением...»).

15. О масштабных строительных работах Лукулла на берегу Неаполитанского залива ср. также Varro. Res rust. III. 17. 9. Подробнее о виллах Лукулла см. [40].

16. См.: Sen. De brev. vit. 18. 5: superbi regis imitatio; Suet. Cal. 19. 3: aemulatione Xerxis; см. также Dio Cass. LIX. 17. 1 sqq.; Ios. Ant. Iud. XIX. 5–6.

17. См.: [42, p. 54; 43]. Об эпизоде с мостом см. также [44]. Об imitatio Alexandri в Риме в целом см.: [45; 46; 47] (специально о Калигуле [47, S. 169 ff.]).

18. См.: RgdA. 23; Vell. Pat. II. 100; Ovid. Ars amat. I. 171–172; Plin. NH. XVI. 190. 210; Stat. Silv. IV. 4. 7; Tac. Ann. XIV. 15; Suet. Aug. 43. 3; Tib. 7. 3; Dio Cass. LV. 10. 7.

19. Афиней, наверное, выражал широко распространенное мнение, когда писал (XII. 513 a), что персы были народом, который первым в истории прославился своей роскошью (τροφῆς) (ср. Strabo. XV. 3. 22). В XII книге своих «Пирующих софистов» он приводит многочисленные примеры персидской роскоши и богатства (513 f; 514 a–f; 515 a–d; 531 a–c; ср. также IV. 144–145, с цитатами из историков). О персидской роскоши ср. также: Xen. Cyr. VIII. 8. 15; Nep. Paus. 3. 2 (epulabatur more Persarum luxuriosius quam qui aderant pati possent); Plut. Fort. Alex. 342 a; Corp. paroem. gr. 2. 38. Анализ отношения греков к персидской роскоши см.: [23; 51].

20. Plin. NH. XIII. 3: Unguentum Persarum gentis esse debet. Illi madent eo et accersita commendatione inluvie natum virus extingunt («Благовония должны быть принадлежностью народа персов. Они ими поливают себя и [их] приятностью избавляются от дурного запаха, вызванного грязью»).

21. Употребление благовонных мазей, кстати сказать, было одним из признаков «дурных» императоров, вроде Калигулы, Нерона или Оттона (Plin. NH. XIII. 22). Ср. [52, p. 18].

22. Solere aiunt reges barbaros Persarum ac Syrorum plures uxores habere, his autem uxoribus civitates attribuere hoc modo: Haec civitas mulieri in redimiculum praebet, haec in collum, haec in crinis. Ita populos habent universos non solum conscios libidinis suae, verum etiam administratos.

23. Val. Max. IX. 1 ext. 3: Age, Xerxes opum regiarum ostentatione eximia eo usque luxuria gaudens, ut edicto praemium ei proponeret, qui novum voluptatis genus reperisset, quanta, dum deliciis nimiis capitur, amplissimi imperii ruina evasit!

24. О римской оценке военного искусства и силы парфян см. [12, p. 305–308].

25. Ср. прежде всего прямое утверждение Плиния Старшего в NH. VI. 41: Persarum regna, quae nunc Parthorum intellegimus («Персидские царства, под которыми мы теперь понимаем Парфянские»). О притязаниях парфянских царей на преемственность с Ахеменидами см. [57, в особенности p. 72–76].

Список литературы

- Gruen E.S. Rethinking the Other in Antiquity (Martin Classical Lectures, New Series). Princeton: Princeton University Press, 2011. xiv, 415 p.
- Sonnabend H. Fremdenbild und Politik. Vorstellungen der Römer von Ägypten und dem Partherreich in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Frankfurt am Main – Bern – New York: Peter Lang, 1986. 324 S.
- Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L.: Duckworth, 1979. x, 310 p.
- Dauge J.-A. Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de civilization. Bruxelles: Latomus, 1981. x, 859 p.
- Dubuisson M. La vision romaine de l'étranger. Stéréotypes, idéologie et mentalité // Cahiers de Cléo. 1985. Vol. 81. P. 82–98 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.class.ulg.ac.be/ressources/vision.pdf (дата обращения 21.02.2012).
- Chauvot A. Opinions romaines face aux barbares au IVe siècle ap. J.-C. Paris: De Boccard, 1998. x, 526 p.
- Isaac B.H. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 2004. xiv, 563 p.
- Parker G. India, Egypt and Parthia in Augustan verse: the post-orientalist turn // Dictynna. 2011. 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictynna.revues.org/691> (дата обращения 14.01.2012).
- Schneider R.M. Die Faszination des Feindes: Bilder der Parther und des Orients in Rom // Das Partherreich und seine Zeugnisse. The Arsacid Empire: Sources and Documentation / Hg. J. Wiesehöfer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 96–146.
- Teitler H.C. Visa vel lecta? Ammianus on Persia and the Persians // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. L. – N. Y., 1999. P. 216–223.
- Landskron A. Parther und Sasaniden. Das Bild der Orientalen in der römischen Kaiserzeit. Wien: Phoibos-Verlag 2005. 225 S.
- Lerouge Ch. L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. 427 p.
- Drijvers J.W. Ammianus Marcellinus' Image of Sasanian Society // Ērān ud Anērān. Studien zu den Beziehungen zwischen dem Sasanidenreich und der Mittelmeerwelt / Hg. J. Wiesehöfer, Ph. Huysse. Stuttgart, 2006. P. 45–69.
- Drijvers J.W. A Roman image of the «barbarian» Sasanians // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity / Ed. R.W. Mathisen and D. Shanzer. Ashgate: Ashgate Publishing, 2011. P. 66–76.
- McDonough S. Were the Sasanians barbarians? Roman Writers on the «Empire of the Persians» // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity / Ed. R.W. Mathisen and D. Shanzer. Ashgate: Ashgate Publishing, 2011. P. 55–65.
- Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity / Ed. Ralph W. Mathisen and Danuta Shanzer. Ashgate: Ashgate Publishing, 2011. xix, 378 p.
- Ferris I.M. Enemies of Rome: Barbarians Through Roman Eyes. Stroud: Sotton, 2003. 242 p.
- Ferris I.M. The Pity of War: Representation of Gauls and Germans in Roman Art // Cultural Identity in the Ancient Mediterranean / Ed. Erich S. Gruen. Los Angeles: Getty Research Institute, 2011. P. 185–201.
- Paratore E. La Persia nella letteratura latina // Atti del convegno sul tema: la Persia et il mondo Greco-romano, Roma, 11–14 aprile 1965. Accademia Nazionale dei Lincei 365. Roma, 1966. P. 505–558.
- Rosivach V.J. The Romans' View of the Persians // The Classical World. 1984. Vol. 78. No. 1. P. 1–8.
- Spawforth A. Symbol of unity? The Persian Wars tradition in the Roman empire // Greek Historiography / Ed. Simon Hornblower. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 239–247.
- Hardie Ph. Images of the Persian Wars in Rome // Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to Third Millennium / Ed. E. Bridges, E. Hall, and P.J. Rhodes. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 127–144.
- Briant P. Histoire et idéologie: les Grecs et la «décadence perse» // Mélanges P. Lévêque. Vol. 2: Anthropologia et société / Ed. par Marie-Madeleine Mactoux et Evelyne Geny. Besançon; Paris: Belles Lettres, 1989. P. 33–47 (английский перевод: History and Ideology: The Greeks and «Persian Decadance» // Greeks and Barbarians / Ed. T. Harrison. Edinburgh, 2002. P. 193–210).

24. Brosius M. *The Persians. An Introduction*. L. – N. Y.: Routledge, 2006. xviii, 217 p.
25. Harrison Th. *Writing Ancient Persia. Classical essays*. L. – N. Y.: Bristol Classical Press, 2011. 190 p.
26. *Les Perses vus par les Grecs. Lire les sources classiques sur l'empire achéménide* / Ed. D. Lenfant. Collection U – Histoire. P.: Armand Colin, 2011. 432 p.
27. Макаров А.И. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 18. С. 6–18.
28. Syed Y. *Romans and Others // A Companion to Latin Literature* / Ed. Stephen Harrison. Oxford: Blackwell, 2005. P. 360.
29. Mommsen Th. *Mamilius Sura, Aemilius Sura, L. Manlius* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1861. Bd. 16. S. 282–287.
30. *Historicorum Romanorum Reliquae* / Ed. H. Peter. Lipsiae: Teubneri, 1906 (reprint: Stuttgart, 1967). Vol. II. P. CCX.
31. Swain J.W. *The Theory of the Four Monarchies. Opposition History under the Roman Empire* // *Classical Philology*. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1–21.
32. Mendels D. *The Five Empires: A Note on a Propagandistic Topos* // *The American Journal of Philology*. 1981. Vol. 102. No. 3. P. 330–337.
33. Alonso-Núñez J.M. *Aemilius Sura* // *Latomus*. 1989. Vol. 48. P. 110–119.
34. Flusser D. *The four empires in the Fourth Sibyl and in the book of Daniel* // *Israel Oriental Studies*. 1972. Vol. 2. P. 148–175.
35. Collins J.J. *The Place of the Fourth Sibyl in the Development of Jewish Sibyllina* // *Journal of Jewish Studies*. 1974. Vol. 25. P. 365–380.
36. Redmond S.A. *The Date of the Fourth Sibylline Oracle // Second Century: A Journal of Early Christian Studies*. 1989–90. Vol. 7. No. 3. P. 129–149.
37. Trieber C. *Die Idee der vier Weltreiche* // *Hermes*. 1892. Bd. 27. S. 321–344.
38. Schumacher L. *Die Herrschaft der Makedonen im Kanon der «Weltreich» — Abfolge des Pompeius Trogus (Iustin). Grundlage – Gestaltung – Zielsetzung* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2000. Bd. 131. S. 279–291.
39. Russell D.A. *Greek Declamation*. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 1983. P. 107.
40. Jolivet V. *Xerxes togatus: Lucullus en Campanie* // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1987. T. 99. No. 2. P. 875–904.
41. Winterling A. *Caligula. Eine Biographie*. München: C.H. Beck Verlag, 2003. S. 122, 124.
42. Balsdon J.P.V.D. *The Emperor Gaius (Caligula)*. Oxford: Clarendon Press, 1934. xix, 243 p.
43. Malloch S.J.V. *Gaius' Bridge at Baiae and Alexander imitation* // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. P. 206–217.
44. Kleijwegt M. *Caligula's Triumph at Baiae // Mnemosyne*. 1994. Vol. 47. P. 665–671.
45. Neronia IV. *Alejandro Magno, modelo de los emperadores romanos: Actes du IVe Colloque international de la Société Internationale d'Etudes néroniennes (13–15 oct. 1987 à Madrid)* / Ed. J.M. Croisille. Bruxelles: Latomus, 1990. 398 p.
46. Sánchez León M.L. *Los emperadores romanos y la imitatio de Alejandro Magno* // *Veleia: Revista de prehistoria, historia antigua, arqueología y filología clásicas*. 2000. No. 17. P. 93–102.
47. Kühnen A. *Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n.Chr.* Diss. Duisburg-Essen, 2005. 360 S.
48. Alcock S.E. *Archaeologies of the Greek Past: Landscapes, Monuments, and Memories*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 82–83.
49. Syme R. *Roman Papers. Vol. III*. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 922.
50. Robert L. *Deux concours grecs à Rome // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1970. 114e année. No. 1. P. 11–17.
51. Карпюк С.Г. «Качество продукции»: иранские предметы роскоши в восприятии греков // *Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: тезисы докладов Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.)* / Сост. и отв. ред. Э.В. Рунг и О.Л. Габелко. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 44–45.
52. Blonski M. *Pline, les Perses, le parfum: analyse d'un fantasme* // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 2007/1. T. LXXXI. P. 13–24.
53. Colin J. *Luxe oriental et parfums masculins dans la Rome Alexandrine (d'après Cicéron et Lucrèce)* // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1955. T. 33. Fasc. 1. P. 5–19.
54. Edwards C. *The Politics of Immorality in Ancient Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 68.
55. Evans R. *Learning to be Decadent: Roman Identity and the Luxuries of Others* // *32nd Annual Conference of the Australasian Society for Classical Studies. Selected Proceedings* / Ed. A. Mackay. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ascs.org.au/news/ascs32/Evans.pdf> (дата обращения 20.02.2012).
56. Fronto, Marcus Cornelius. *The Correspondence with Marcus Aurelius, Lucius Verus, Antoninus Pius, and various friends* / Ed. and transl. into English C.R. Haines. In two volumes. Vol. I. L.: William Haineman; N. Y.: G.P. Putnam's Sons, 1919. P. 106.
57. Wolski J. *Les Achéménides et les Arsacides // Syria*. 1966. Vol. 43. P. 65–89.
58. Wissemann M. *Die Parther in der augusteischen Dichtung*. Frankfurt am Main; Bern; N. Y.: Peter Lang, 1982. 180 S.
59. Chauvot A. *Parthes et Perses dans les sources du IVe siècle // Institutions, société et vie politique dans l'Empire romain au IVe siècle ap. J.-C. Actes de la table ronde autour de l'œuvre d'André Chastagnol (Paris, 20–21 janvier 1989)*. Rome, 1992. P. 115–125.
60. Swain S. *Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World AD 50–250*. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 67.

**ACHAEMENID PERSIA IN THE ROMAN LITERATURE:
THE IMAGE OF THE «OTHER» AND SPECIFIC FEATURES OF HISTORICAL MEMORY**

A.V. Makhlayuk

The article deals with references to the Persian Achaemenid kingdom in Roman literature. The answer to the question about what the Romans knew about the Achaemenid Persia and how they imagined the Persians from Cyrus to Darius III, in what contexts and for what purposes the corresponding figures and examples from the Persian history were mentioned reveals characteristic stereotypes of perception of one nation by another and helps to discover the specificity of Roman cultural and historical memory, which was largely shaped by the information, *topoi* and images received from the Greeks. For the most part, these *topoi* and anecdotes (concerning Persian luxury and wealth, or arrogance of Persian kings, their grandiose constructions, and so on) occurred in moralizing or rhetorical contexts, serving as didactic *exempla* and often being far from historical reliability. All these topics and stereotypes, via rhetorical teaching and popular moral philosophy, had become shared symbols and heritage of Greek and Roman cultural and historical memory, but in some regards they were perceived in different ways. Images of Achaemenid Persia as images of the «Other» assumed a timeless character in the Roman historical memory, being transferred on contemporary enemies of Rome, Parthia and Sassanid Persia, and were used as a device for constructing Romans' own identity through opposition between West and East, for ideological justification of their confrontation with Iranian powers.

Keywords: Roman literature, Achaemenids, Ancient Persia, Rome, Persians, image of the “Other”, historical memory.